
ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Выпуск 6(99). 2023. Том 13

Журнал «Вопросы национальных и федеративных отношений» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по политическим и историческим наукам

МОСКВА, 2023

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

**Вячеслав Александрович
МИХАЙЛОВ** Председатель Совета, д.и.н., профессор,
зав. кафедрой национальных и федеративных
отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционный Совет

**Рамазан Гаджимурадович
АБДУЛАТИПОВ** д.ф.н., постоянный представитель Российской Федерации
при Организации Исламского сотрудничества

**Любовь Федоровна
БОЛТЕНКОВА** д.ю.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

**Владимир Иванович
ВАСИЛЕНКО** д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

**Владимир Александрович
ВОЛОХ** д.п.н., профессор Государственного университета управления

**Вадим Витальевич
ГАЙДУК** д.п.н., руководитель Центра
политико-правовых исследований АНО «Евразийский научно-
исследовательский институт проблем права»

**Владимир Юрьевич
ЗОРИН** д.п.н., руководитель Центра по научному взаимодействию
с общественными организациями, СМИ и органами
государственной власти ИЭА РАН

**Раушан Мусахановна
КАНАПЬЯНОВА** д.п.н., профессор кафедры международного
культурного сотрудничества МИК

**В. Микаэль
КАССАЕ НЫГУСИЕ** д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных
отношений Российского
университета дружбы народов

**Геннадий Яковлевич
КОЗЛОВ** д.и.н., профессор Рязанского государственного университета
им. С.А. Есенина

**Игорь Георгиевич
КОСИКОВ** д.и.н., главный научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН

**Николай Павлович
МЕДВЕДЕВ** д.п.н., профессор Российского университета
дружбы народов

**Марина Николаевна
МОСЕЙКИНА** д.и.н., профессор, заведующая кафедрой истории России
Российского университета дружбы народов

**Александр Данилович
НАЗАРОВ** д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры
по научной работе Московского авиационного института

**Дарья Вячеславовна
ПЕРКОВА** к.п.н., ответственный редактор

**Александр Васильевич
ПОНЕДЕЛКОВ** д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политологии
и этнополитики Южно-Российского института
управления – филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ

**Дмитрий Егорович
СЛИЗОВСКИЙ** д.и.н., профессор кафедры истории России Российского
университета дружбы народов

**Шукран Саидовна
СУЛЕЙМАНОВА** д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

**Жибек Сапарбековна
СЫЗДЫКОВА** д.и.н., профессор, заведующая кафедрой стран
Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии
и Африки Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова, заместитель главного редактора журнала

Редакционная коллегия

Главный редактор – СУЛЕЙМАНОВА Ш.С.,
д.п.н., профессор РАНХиГС

Члены ред. коллегии:

Волох В.А. (зам. главного редактора),
Сыздыкова Ж.С. (зам. главного редактора),
Перкова Д.В. (ответственный редактор),
Болтенкова Л.Ф., Слизовский Д.Е.

УЧРЕЖДЕН

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного
наследия

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-47487
от 25 ноября 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного
цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory
Пятилетний импакт-фактор
журнала: 0, 369

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42
www.etnopolitolog.ru
E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Перкова Д.В.
Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 26.06.2023.
Формат 60×84/8. Объем 60.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500).

Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Щипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2226-8596 (print)

12 выпусков в год и

2 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://etnopolitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70114

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2018 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Отечественная история, этнология и этнография», «История международных отношений и мировой политики», «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая культура, этнополитика и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://etnopolitolog.ru>

Электронный адрес: etnopolitolog@yandex.ru

ISSN 2226-8596 (print)

12 issues a year plus

2 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://etnopolitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70114

Objectives and themes

Academic journal “Issues of National and Federative Relations” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2018. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “Domestic history, ethnology and ethnography”, “History of international relations and world politics”, “History and philosophy of politics”, “Political institutions, processes and technologies”, “Political culture, ethnopolitics and ideologies”, “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://etnopolitolog.ru>

E-mail address: etnopolitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Упоров И.В.

Начало диссидентства в советском государстве
и «самиздат» инакомыслящих 2374

Бородин М.П., Зуев А.В.

Историография системы электросвязи профессиональной
пожарной команды столицы Российской империи 2382

Пай С.С.

Решение проблемы сиротства, беженства, беспризорности
и безнадзорности детей на юге Дальнего Востока России
в 1900-1922 годы 2390

Тошева М.С., Тошева Н.А., Серпуховитина Т.Ю., Логвинова А.Н.

Легковые автомобили и их применение
в российской армии (1900-1945 гг.) 2402

Занозин Н.В.

Обеспечение жильем населения Горьковской области
в первые послевоенные годы (1945-1953 гг.) 2418

Закомалдин М.М.

Научная, преподавательская и просветительская
деятельность
А.В. Маклецова в русском послереволюционном зарубежье 2427

Симон Александр.

Истоки евразийства в русской общественной мысли
XIX – XX вв. 2434

Лантинг Т.Н.

Информационная деятельность работников библиотек
в блокадном Ленинграде 2444

Ведьманов О.Н.

Производственное состояние Ульяновского областного
объединения «Ульяновскпромшерсть» в 1980-е годы 2456

Зимица В.В., Читаев Н.Е., Любимов А.А.

Причины Крестьянского восстания 1921 года
в селе Клепиковском Ишимского уезда 2464

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Болтенкова Л.Ф.

Регулирование вопросов пола в контексте религии
(в нескольких статьях). Статья третья 2471

Керимов О.Ю.

Концепция государства-цивилизации как теоретическая
основа модели российской политической модернизации 2487

Чжан Цзысюань

Политический национализм и мультикультурализм
в современном нациестроительстве 2498

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Буртный К.П., Хасанов Т.С.

Патриотическое сознание и ценностные ориентации
современной молодежи Кыргызстана 2509

Губачев М.Н.

Проблемы формирования
гражданского общества в России 2521

Петров Д.Ю.

Информационная парадигма современного медиа
пространства Остроух Е.И. Практика шефской помощи
как эффективный механизм интеграции присоединённых
территорий (на примере Крыма и Донбасса) 2537

Чень Сыли

Символы женской власти и влияния: исследование
от Анны Стюарт до Хиллари Клинтон 2546

Го Фэнли

Особенность противодействия информационным операциям
со стороны Российской Федерации 2554

Годик М.А.

Реализация Стратегии государственной национальной
политики Российской Федерации на период до 2025 года:
подходы, процессы, практики 2561

Лю Ци

Развитие и влияние интернет-идеологии
в контексте глобальных социальных процессов 2574

Цун Сяомэн

Основные тенденции и перспективы развития
политического режима в современной России 2581

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Архангельский В.Н., Рязанцев С.В., Смирнов А.В.

Рождаемость в реальных поколениях женщин
в Тюменской области (по данным переписи населения 2020 г.) 2591

Степовая Д.А.

Влияние утечки персональных данных на планирование
информационно-психологических операций 2611

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Абдулхаиров А.З., Сенченко Н.А., Умерова С.Д.

Морские коммуникации через Черное море
между Крымским ханством и Османской империей
в XVII-XVIII веках 2617

Бредихин А.В.

Культурное сотрудничество на пути
интеграции Монголии в ШОС 2633

Топал Н.М.

К вопросу героизации украинских националистов 2640

Габбасова К.Р.

Мусульмане в республиканском Китае в первой половине
XX в. (1912-1948 гг.) 2647

Данилов А.

The Aspects of the Formation of the Greek Vector
of the US Foreign Policy/Аспекты формирования
греческого вектора внешней политики США 2658

Дуан Жоцзюнь

Участие Китая в освоении Арктики: ситуация вокруг
Арктического региона и международные вопросы 2668

Налбандян К.С.

Организация тюркских государств как инструмент усиления
международного влияния Турции 2676

Савушкин Д.С.

Франция: европейское лидерство или предтеча падения? 2689

Сантуш Родригеш Питра Диаш Душ

Миграционный кризис как фактор формирования
террористической угрозы в Анголе 2698

Хуан Минто

Этнические немцы Казахстана: язык и идентичность 2706

Цай Ян

Важность и проблемы участия молодежи в политической
деятельности: мировые тенденции и китайская практика 2718

Чжао Янь

Государственная политика в сфере строительства
«безотходных городов» в Китайской Народной Республике 2728

Чжу Сюй

Пограничный конфликт 2020 года и отношения
между Китаем и Индией 2736

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА**Литвиненко Д.В., Волжанин Д.А., Дубков Н.С.**

Проектное управление в государственном секторе:
теория и практика..... 2746

Кайсаров А.А., Чужиков Н.А.

Формирование русской нации:
роль Манифеста 17 октября 1905 года..... 2756

Костина А.Д., Ильинская К.Р., Пахмутов Н.Д.

Почасовая форма оплаты труда: выгоды внедрения
и потенциальные угрозы 2764

Котова Е.А., Моисеенко О.А.

Русская православная церковь как политический субъект
и ее взаимодействие с политическими институтами
в современной России 2771

Кузюра Ю.С., Рычкова А.Л.

Анализ влияния фактора пандемии коронавируса
на транспортную систему Республики Корея 2782

Баранова Ю.В., Леонова А.А.

Анализ практической реализации китайской концепции
«Сообщества единой судьбы человечества» 2787

Локтионова Д.В., Стахно Е.В.

IT-специалисты на Российском рынке труда:
высокий спрос, перенасыщение и миграция 2798

Пак О.А.

Истоки формирования русофобии
в среде английской политической элиты 2804

Полищук Д.И., Мандрица А.В.

Проблемы кадрового рекрутинга в функционировании
института государственной гражданской службы в РФ..... 2816

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Сапарбекова Д.

Большое Евразийское партнерство: новые парадигмы
и смыслы развития макрорегиона 2822

НАШИ АВТОРЫ 2825

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 2836

О.А. ПАК

*магистрант кафедры истории социально-политических
учений факультета политологии Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ РУСОФОБИИ В СРЕДЕ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

В рамках данной статьи рассматриваются особенности складывания русофобских настроений в среде английской политической элиты от эпохи первых англо-русских контактов и до конца императорского периода российской истории. Цель работы состоит в выявлении причин и закономерностей процесса формирования русофобских стереотипов в среде английской элиты, механизмов их распространения на остальное общество. Для достижения цели используется обращение к воспоминаниям первых английских дипломатов, посетивших Россию с торговыми и политическими миссиями. Показывается, что сформировавшиеся в данный период национальные стереотипы могли использоваться в более позднюю эпоху в рамках идеологического обоснования геополитических целей и планов политической элиты Великобритании.

Достиженные в ходе исследования результаты позволяют констатировать, что процесс формирования русофобии в Великобритании на каждом историческом этапе мог иметь свои особенности. Изначально отношение английской элиты к России мало отличалось от устоявшихся стереотипов в отношении всех стран и народов, которые не воспринимались как протестанты или европейцы. Однако по мере увеличения военного и политического могущества России можно говорить о формировании уже гораздо более конкретных негативных стереотипов, которые были нацелены непосредственно против русских. Причем эти стереотипы вполне могли заимствоваться из более ранних впечатлений английской элиты. Соответственно, главным тезисом русофобского дискурса стало утверждение о природной агрессивности русских, которая сочеталась у них с нелюбовью к свободе и желанием подчинить тиранической власти все остальные народы. При этом нагнетание русофобских настроений преимущественно совпадало с периодами обострения отношений двух держав на международной арене и могло минимизироваться в те периоды, когда они выступали в качестве союзников.

Ключевые слова: *русофобия, Великобритания, Крымская война, Большая игра, политическая элита, англо-русские отношения.*

Процесс складывания коллективных представлений одной нации о другой проходит через множество этапов, является сложным и многообразным. Отдельные исторические периоды, связанные с конкретными политическими обстоятельствами, накладывают на это восприятие свой отпечаток. Однако необходимо учитывать и то, что сложившиеся стереотипы могут стать достаточно живучими, и будут продолжать существовать даже в полностью изменившейся политической ситуации. Причем негативные стереотипы нередко оказываются гораздо более устойчивыми и в меньшей степени подвергающимися изменениям. Соответственно, изучение складывания русофобских настроений в среде английской элиты позволит выявить соотношение в данном процессе субъективных и объективных аспектов. В свою очередь, это может помочь в процессе налаживания отношений между современными политическими элитами России и Великобритании.

Первые экономические и политические контакты России и Англии относятся к середине XVI в., при этом во многом их начало было случайным. Английские мореплаватели, отправившиеся на поиски северо-восточного прохода к Китаю и Индии, под влиянием суровых погодных условий вынуждены были спасаться в Архангельске и выступили при дворе Ивана IV в качестве посланников своей страны [8. С. 7]. Развитие дальнейших отношений преимущественно сводилось к торговым связям, однако можно говорить и о взаимном интересе друг к другу политических элит. Достаточно вспомнить планы Ивана Грозного относительно заключения брака с представительницей английского королевского дома [7. С. 115].

Говорить в этот период непосредственно о складывании русофобии было бы несправедливо. Само понятие национальной «фобии» предусматривает выделение определенной нации, страны и акцентирование на их особой негативной роли. Для английского дворянства, как непосредственно побывавшего в России, так и знакомого с ней только в чужом изложении, русские такой роли изначально не играли. Скорее можно говорить о том, что русские были воплощением одного из многочисленных образов «другого», который интересен именно своей инаковостью, однако при этом может вызывать по этой же причине страх и отторжение. Начавшийся как минимум со времен Крестовых походов, процесс познания «другого» европейской цивилизацией существенно ускорился в эпоху Великих географических открытий.

Русские в рамках такого подхода могли рассматриваться наравне с прочими экзотическими «туземцами», не выделяясь из их среды. Ричард Ченслер, который командовал первой английской морской экспедицией,

побывавшей в России, нисколько не стесняясь, называл русских «варварами» [12. С. 63]. Однако подобное отношение было характерно для описания жителей любой страны, которая являлась для выходцев из Западной Европы пока еще малознакомой. При этом необходимо учитывать, что вернувшиеся из дальних стран путешественники могли стремиться среди соотечественников для привлечения внимания распространять образ чужеземцев максимально экзотический и вызывающий удивление.

Можно вспомнить о том, что в Англии возникали планы создания колоний в северных землях как на американском, так и на евразийском континентах. С подобным проектом к королеве Елизавете I обращался Д. Ди [5. С. 32]. Однако подобные проекты носили теоретический характер, ни о каких практических попытках колонизировать российские территории сведений не сохранилось. Соответственно, англичане не нуждались в целенаправленной критике в отношении русских, как возможном оправдании для будущей экспансии.

Однако период ранних контактов между Россией и Англией важен тем, что в это время происходит складывание многих стереотипов в среде английской элиты и русском народе. Эти стереотипы будут транслироваться и в гораздо более поздние эпохи, сознательно или бессознательно игнорируя те перемены, которые произошли в следующих столетиях как в России, так и в самой Англии.

К числу подобных стереотипов можно отнести представление о русских, как о людях, которые якобы не любят свободу и готовы повиниться любой власти с рабской покорностью. Ченслер приводил сказанные ему слова одного из русских собеседников, который утверждал, что предпочел бы жизнь в тюрьме свободе [12. С. 68]. Сюда можно отнести также сообщения о том, что русские спокойно продают в холопы своих жен и детей, а порой и самих себя. В данном случае можно говорить, что формирование национальных стереотипов шло по одному стандартному сценарию, который предусматривал широкие обобщения и возможность распространить частный опыт на всю нацию в целом.

Подобные рассуждения могли пользоваться популярностью в Англии, так как позволяли самоутвердиться и убедиться в том, что англичане как социальная общность обладают гораздо более высоким моральным уровнем. Соответственно, не редкостью могли быть высказывания о русских, такие как у английского мореплавателя Э. Дженкинса: «Они болтуны и великие лжецы, без всякого правдоподобия в своих словах, льстецы и лицемеры» [1. С. 62]. Именно в данный период происходило и создание стереотипа о русских, как о народе чрезмерно увлекающемся алкоголем. При этом английские путешественники могли подчеркивать, что само это пристрастие сформировалось под воздействием государственной политики,

которая поощряла посещение кабаков, так как это было важным источником пополнения государственной казны [11. С. 62].

Стоит уточнить, что свои выводы англичане XVI в. делали, опираясь преимущественно на восприятие именно российской политической элиты, образ жизни простонародья вызывал гораздо меньше интереса. Представителям английского дворянства казалось странным, что в России служилые люди не могли в полной мере считаться хозяевами своих земельных участков. Они получали землю за службу от государства и при этом могли быть лишены ее при определенных обстоятельствах.

Создание негативного образа русских и России могло происходить в рамках религиозной парадигмы. При этом в данном случае вновь не приходится говорить на начальном этапе именно о русофобии как таковой. Пренебрежительное отношение к религиозности русских объяснялось произошедшей в Англии Реформацией, после которой критике подвергались монастыри, почитания святых, икон. Суждения о России в данном случае мало чем отличались от тех, которые англичане могли употреблять в адрес населения католических стран. Нередко отношение к католикам, в частности к испанцам, могло быть даже гораздо более критичным.

Нельзя также игнорировать и тот факт, что первые впечатления английских дворян о русских не сводились только к негативным моментам. Англичане обращали внимание на закаленность русских воинов, а также их умение переносить все тяготы походов и сражений. В целом позитивно оценивалась верность русской элиты собственному государству и монарху. В этом плане можно говорить об определенной противоречивости оценок: тот же Р. Ченслер, хотя и говорил о рабском характере русских, искренне выражая желание, чтобы английские дворяне хотя бы в малой степени уподобились им готовности служить монарху [12. С. 70].

Подобная ситуация в отношении английской аристократии к России в целом могла оставаться неизменной вплоть до начала XVIII столетия. Это было связано с тем, что политические интересы двух стран пересекались довольно слабо. Россия не могла вести активной внешней политики в Западной Европе, не создавала угрозы изменению сложившегося баланса сил. Сферы колониальной экспансии Англии также фактически не пересекались с теми территориями, где происходило расширение границ российского государства.

Говорить о начале кардинальных перемен можно после того, как в России при Петре I были произведены масштабные преобразования, позволившие в том числе создать мощную армию, не уступавшую по силе ведущим европейским державам. Северная война существенно изменила баланс сил в Европе, заставила учитывать при создании любых политических блоков и союзов возможную реакцию Российской империи. Хотя открытого столкновения России и Англии в ходе Северной войны не произошло, однако

британская элита была склонна оказать поддержку Швеции в этом противостоянии. Для Англии наиболее потенциально опасным представлялась нацеленность Петра Великого на создание наряду с армией мощного военного флота, который мог бы составить конкуренцию британскому.

Все это создавало предпосылки для того, чтобы начал формироваться образ России как державы могущественной и опасной. Акцент при этом делался на готовность к экспансии в Европе, которая на туманном Альбионе объяснялась склонностью русских к агрессивности, жестокости. Однако и даже в данном случае скорее можно говорить только о начале складывания предпосылок для развития русофобии в среде английской элиты. В XVIII в. в Англии отношение к России и русским развивалось скорее в русле общеевропейских тенденций, в рамках которых русский фактор в мировой политике рассматривался как возможная причина нестабильности и опасности. В рамках подобного отношения, которое можно охарактеризовать, как настороженное ожидание, достаточно легко возникали и распространялись различного рода измышления, в которых России и ее правителям приписывались планы по завоеванию всей Европы. В качестве наиболее яркого примера можно указать на фальшивое завещание императора Петра Великого [4. С. 77].

Однако для Англии русская угроза достаточно долго могла восприниматься как опосредованная и не представляющая прямой опасности. Этому во многом способствовало то, что Россия вынуждена была участвовать в постоянном противостоянии с соседями на своих границах: Османская империя, Речь Посполитая, Швеция. Великобритания могла делать ставку на определенную поддержку данных стран, чтобы не позволить России чрезмерно усилить свое влияние в Европе, но прямого конфликта с Российской империей при этом стремилась избежать.

Естественно, когда мы говорим и о генезисе британской русофобии, вряд ли можно выделять некую конкретную дату или событие, с момента которых можно отсчитывать данное явление. Однако можно высказать предположение, что переломным моментом в данном отношении стоит считать завершение эпохи Наполеоновских войн [5. С. 35]. Во время военного противостояния с наполеоновской Францией антирусские настроения должны были отойти на второй план, хотя сотрудничество в Европе несколько не мешало Великобритании настраивать против России персидского шаха.

После того, как опасность со стороны Наполеона была устранена, Великобритания столкнулась с тем, что Россия обладает наиболее мощной сухопутной армией в Европе, способной дойти до Парижа. При этом можно было говорить и о формировании среди многих европейских народов позитивного образа России, как освободительницы от гнета со стороны наполеоновской империи. Это создавало для Великобритании угрозу перспективы возможной изоляции со стороны континентальной Европы.

Именно подобным образом могло трактоваться в Великобритании создание Священного союза, как организации, нацеленной обеспечить гегемонию России в Европе. Россия из региональной державы уверенно выходила на мировой уровень, что не устраивало политические элиты Великобритании.

Особо стоит выделить значение для развития русофобии расширявшегося соперничества двух империй в Азии: от черноморских проливов и до Тихоокеанского побережья. Большое значение в данном случае имела попытка императора Павла I заключить союз с Наполеоном и в рамках совместных действий отправить русский корпус на завоевание британских владений в Индии [2. С. 256]. Хотя русские части успели дойти лишь до Оренбурга, а наследник Павла император Александр I отказался от любых подобных планов, русская угроза Индии стала той темой, которая на протяжении всего XIX в. представляла питательную почву для разрастания русофобских настроений.

Соответственно, любое продвижение русских границ в южном направлении рассматривалось именно в ключе угрозы британской колониальной империи. Великобритания стремилась обеспечить безопасность своих индийских владений, постоянно расширяя сферу своего влияния за счет территорий Средней Азии, что, в свою очередь, вызывало опасение уже в России. Перспектива выхода британских войск к Омску и Оренбургу представлялась создающей угрозу для территориальной целостности России и возможности сохранения владений за Уралом. Российские элиты, как и британские, в данной ситуации предпочитали действовать на опережение, расширяя собственные границы и отодвигая тем самым потенциальную угрозу, но эти действия для другой стороны служили очередным доказательством своей правоты в оценке опасности исходившей со стороны иной империи. Таким образом, практически весь XIX в. стал периодом русско-английского противостояния, получившего название «Большая игра» [9. С. 51]. Даже если в Европе отношения между империями развивались сравнительно миролюбиво, то соперничество на азиатских просторах не прекращалось.

Все эти геополитические обстоятельства сделали актуальной обращение британских элит к теме русофобии. При этом необходимо учитывать те изменения, которые происходили в мире и конкретно в Великобритании в XIX столетии. Политическая элита Британии во все большей степени вынуждена была учитывать влияние общественного мнения, не просто приводить в жизнь собственные решения, но убеждать социум в их правильности на парламентских трибунах и страницах газет. Соответственно, указание на то, что действия России как-то нарушают планы представителей элиты, было уже недостаточным. Необходимо было убедить английское общество в том, что Россия угрожает безопасности каждого подданного британской

короны. В свою очередь, развитая система прессы, существование политических партий давали возможность для активного распространения русофобской пропаганды не только в аристократической среде, но и среди большинства населения. Можно сказать, что хотя русофобский дискурс создавался преимущественно именно представителями элиты, но рассчитан он был во многом на трансляцию для всего британского социума.

Если говорить о конкретных проявлениях данных идей, то можно отметить труд британского политика Р. Вильсона «Очерк о военном и политическом могуществе России», который вышел в 1817 году. В этой работе озвучивались опасения, что Россия, несмотря на декларации о своем миролюбии и сохранении существующих в Европе границ, на самом деле стремится к безмерному расширению собственного влияния, которое предусматривает контроль над всей Европой. Отдельно подчеркивалась актуальность угрозы, которую Россия представляет английским колониям в Индии [5. С. 36].

Подобного рода претензии можно охарактеризовать как геополитические. Однако не менее важными были и упреки к России, которые носили сугубо идеологический характер. Россию обвиняли не только в том, что она стремится к усилению своих политических и военных позиций, так как фактически любая страна, так или иначе, ставила перед собой подобные задачи. Р. Вильсон пытался доказать, что Россия также претендует на обрушение идеологических основ британского общества, которые заключались в свободе, достоинстве, справедливости. И в данном случае становилось актуальным обращение к тем национальным стереотипам, которые могли сформироваться в гораздо более раннюю эпоху: вплоть до начала первых англо-русских контактов. Создавался образ России и русского народа как принципиальных сторонников рабства и противников свободы. При этом если первые английские путешественники по России ограничивались описанием этих характеристик как своеобразных черт русского народа, то в XIX в. к этому добавился тезис о том, что Российская империя планирует насаждать подобные «ценности» и в остальном мире, прибегая для этого к открытому насилию.

Схожие идеи высказывались и в более позднем труде Дж. Эванса «Замыслы России» от 1828 года [5. С. 37]. В этой работе речь шла уже не о потенциальных опасностях, которые могли быть связаны с усилением могущества России. Автор приписывал российским правителям вполне конкретные замыслы, которые заключались в том, чтобы если и не захватить напрямую территории европейских стран, то подчинить их своему влиянию. Также повторялся тезис о том, что расширение границ России в Азии неизбежно создаст угрозу для Британской Индии. Аналогичной угрозой британским интересам представлялась также политика России в отношении Османской империи, направленная на установление контроля за Черноморскими проливами и расширении сферы влияния на Кавказе.

Как доказательство существования русофобии в Великобритании можно привести тот факт, что это явление осознавалось самим английским обществом, ему пытались дать соответствующее определение. Об этом свидетельствует закрепление термина «русофобия» в «Императорском словаре» от 1882 года. Однако если говорить о наиболее раннем употреблении данного термина, хоть еще и не получившем широкого распространения, его можно отнести к 1836 г., когда выражение «русофобия» встречалось в британской прессе [6. С. 1080]. Конечно, термин не имел негативного значения и считался отражением объективной реальности, в которой англичане имели основания опасаться угрозы для своих интересов со стороны России.

Необходимо отметить, что нельзя говорить о развитии русофобии как некой безальтернативной точки зрения. В среде английской элиты всегда были в наличии люди, которые могли открыто говорить о том, что тезис о русской угрозе основывается на преувеличении, не имеет под собой реальных оснований. Дискуссии о том, насколько обоснованной является русофобия, могли становиться значимым инструментом борьбы внутри британской политической элиты. Сторонники более спокойного отношения к России могли утверждать, что за указанием на русскую угрозу может скрываться желание заставить население смириться с внутренними проблемами британского общества, списать невозможность их решения на то, что все ресурсы страна вынуждена тратить на поддержание безопасности. С другой стороны, могли активно выдвигаться обвинения в том, что тот или иной британский политик работает на интересы России.

В целом, можно говорить о том, что английское общество оказалось восприимчиво к русофобским идеям. Угроза со стороны России, неважно насколько она была реальной, могла стать важным консолидирующим фактором в объединении не только различных партий и группировок внутри элиты, но и правящего класса с остальной частью общества [10. С. 100]. Можно констатировать, что окончательное формирование русофобии как определенной идеологии, предусматривающей также необходимость ответных политических и военных решений, произошло примерно к середине 1830-х годов.

Внутри этого негативного образа России можно отметить некоторую двойственность. С одной стороны, главный негативный акцент мог делаться на России как государстве и конкретно на ее правителях, которые выстроили внутри страны систему угнетения народа [5. С. 39]. Большинство русского населения при этом оказывалось скорее в роли жертв. Иногда эта негативная оценка могла распространяться и на российскую элиту, которую описывали как жестоких крепостников, угнетавших крестьян. Однако подобная позиция вполне могла соседствовать и с более глубокой русофобией, при которой агрессивность России рассматривалась именно как следствие общих качеств русского народа в целом, вне зависимости от его

разделения на сословия. Такой подход стал более распространенным после того, как в России было отменено крепостное право и было сложно поддерживать образ России, в которой народ страдает от угнетения со стороны монархии и дворянства.

При этом необходимо учитывать, что русофобские настроения в элите и в целом в британском обществе не находились на некоем общем уровне. Элита могла раздувать соответствующие настроения в те периоды, когда отношения с Россией объективно ухудшались. Можно говорить о нескольких наиболее активных всплесках русофобии в Великобритании на протяжении XIX столетия. Максимумы они достигли в период Крымской войны, когда Россия и Великобритания оказались в состоянии войны друг с другом.

Хотя военная пропаганда явление вполне универсальное, можно обратить внимание на то, что в Великобритании акцент делался именно на неизбежности столкновения с Россией, которого якобы нельзя было избежать на основе прагматического компромисса. Предполагалось, что война стала результатом противоречия не только геополитических целей, но и идеологических ценностей двух стран. Великобритания противопоставлялась России как защитница свободы не только собственной, но и иных наций, в первую очередь турецкой [3. С. 100].

Такие настроения могли широко распространяться в Великобритании в период Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., а также в ситуации русско-английского конфликта 1885 г. на границах Афганистана. Последним активным всплеском русофобии, если говорить о дореволюционном периоде развития России, можно признать период Русско-японской войны 1904-1905 гг., когда Великобритания оказывала существенную поддержку Японии. Однако первичность геополитических настроений могла приводить не только к всплеску русофобских настроений, но и к их затуханию.

В большинстве случаев, ослабление могло быть связано с тем, что на первый план для Великобритании выходило противоборство с иным политическим конкурентом [9. С. 401]. В ситуации, когда начиналось обострение британско-германского соперничества, уже немцы изображались в роли «новых гуннов», агрессоров, представляющих угрозу мировой культуре и цивилизации. Образ России начинал все больше приобретать положительную оценку, как потенциального, а затем и реального союзника. Однако необходимо учитывать, что хотя британская политическая элита могла отчасти контролировать развитие русофобских настроений, сами сформировавшиеся негативные стереотипы о России и русских не исчезали, а «впадали в спячку» и могли проявляться впоследствии, когда геополитическая ситуация вновь изменялась.

Подводя итоги, можно сказать, что процесс формирования русофобских настроений в политической элите Великобритании был длительным и неравномерным по своей интенсивности. В период первых русско-английских

контактов негативные стереотипы, распространявшиеся в Англии о русских и России, мало отличались от общего представления о «чужаках», как людях потенциально опасных именно в силу своих отличий в плане образа жизни, традиций. Русофобские настроения в английском высшем обществе могли активизироваться по мере того, как две империи все больше противостояли друг другу в Европе и Азии. Однако при этом формировавшийся негативный стереотип о России мог уже сам выступать в качестве мотива внешней политики, основывавшейся на убеждении в неизбежной враждебности России. При этом для обоснования собственных геополитических планов могли использоваться стереотипы, сформировавшиеся в гораздо более ранний период. Тем не менее, вряд ли можно говорить о некоей предопределенности и неизбежности русофобии в среде английской элиты. Свидетельством тому является возможность сотрудничества двух стран в ситуациях пересечения их интересов, как это было во времена Наполеоновских войн или Первой мировой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Дженкинсон Э.* Путешествия Антона Дженкинсона // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1937.
2. *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М.: Наука, 1982.
3. *Жолудов М.В.* Русофобия в политической деятельности лорда Пальмерстона // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017.
4. *Козлов В.И.* Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII-XIX веков. М.: Аспект Пресс, 1996.
5. *Крыжко Е.В., Пашковский П.И.* Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение // Регионоведение. 2023. Т. 31. № 1.
6. *Крыжко Л.А., Пашковский П.И., Давыдова Е.И., Шипилин П.И.* Британская русофобия в первой половине XIX века: политический аспект // Былые годы. 2019. Т. 53. № 3.
7. *Лабутина Т.Л.* Англичане в допетровской России. СПб.: Алетейя, 2011.
8. *Пузаков А.В.* Восприятие России в английской культуре XVI-XX вв. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Саранск, 2004.
9. *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.

10. *Сетов Н.Р., Топычканов А.В.* Русофобия – инструмент британской внешней политики. XIX век – взгляд с позиций политического реализма // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 10.

11. *Флетчер Дж.* О государстве русском. М.: Захаров, 2002.

12. *Ченслер Р.* Книга о великом и могущественном царе России и князе московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1937.

O.A. PAK

*Master's student, Department of History
of Socio-Political Studies, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE ORIGINS OF THE FORMATION OF RUSSOPHOBIA AMONG THE ENGLISH POLITICAL ELITE

This article examines the peculiarities of the formation of russophobic sentiments among the English political elite from the era of the first Anglo-Russian contacts to the end of the imperial period of Russian history. The purpose of the work is to identify the causes and patterns of the formation of russophobic stereotypes among the English elite, the mechanisms of their spread to the rest of society. To achieve this goal, an appeal is used to the memories of the first British diplomats who visited Russia on trade and political missions. It is shown that the national stereotypes formed during this period could be used in a later era as part of the ideological justification of the geopolitical goals and plans of the political elite of Great Britain.

The results achieved during the study allow us to state that the process of formation of Russophobia in the UK at each historical stage could have its own characteristics. Initially, the attitude of the English elite towards Russia differed little from the established stereotypes regarding all countries and peoples who were not perceived as Protestants and even Europeans. However, as Russia's military and political power increases, we can talk about the formation of much more specific negative stereotypes that were aimed directly against Russians. Moreover, these stereotypes could well have been borrowed from earlier impressions of the English elite. Accordingly, the main thesis of the russophobic discourse was the assertion of the natural aggressiveness of Russians, which they combined with a dislike of freedom and a desire to subordinate all other peoples to tyrannical power. At the same time, the escalation of russophobic sentiments mainly coincided with periods of aggravation of relations between the two powers in the international arena and could be minimized during those periods when they acted as allies.

Key words: *Russophobia, Great Britain, the Crimean War, the Big Game, political elite, Anglo-Russian relations.*